

Печатается
по ВЫСОЧАЙШЕМУ
повелѣнію.

~~10. I
309~~

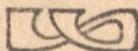
ОПИСАНІЕ

ЖИЗНИ и ПОДВИГА

ГЕРОЯ-МУЧЕНИКА,

КРЕСТЬЯНИНА

Стефана Веремчука.

ПЕТРОГРАДЪ.

Военная Типографія Императрицы Екатерины Великой
(въ зданіи Главнаго Штаба).

1916.

59

Совершено
ИЮНЬ 1939

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
240787

1916

1916
618x

K15

1916
618†

Русскій народъ съ давнихъ временъ отличается любовью къ своей Родинѣ. Конечно, чувство любви къ Родинѣ болѣе или менѣе присуще всѣмъ людямъ, но далеко не у всѣхъ людей одинакова сила этого чувства, которая измѣряется степенью готовности человѣка принести Родинѣ въ жертву какое-нибудь изъ личныхъ своихъ благъ. Въ этомъ отношеніи русскій человѣкъ, вообще, стоитъ очень высоко: онъ не задумается принести своей Родинѣ въ жертву самое цѣнное человѣческое благо, именно—жизнь свою. Чаше всего подобное самопожертвованіе проявляетъ воинъ, который, по слову воин-

ской присяги, обязанъ защищать Царя и Родину *до послѣдней капли своей крови*; но нерѣдко и простые, не военные, рускіе люди сознательно жертвуютъ своею жизнью для блага Родины, хотя и не обязаны къ этому какимъ-либо клятвеннымъ обѣщаніемъ. Среди такихъ высокихъ подвиговъ любви къ Царю и Родинѣ особенною извѣстностью пользуется подвигъ Костромскаго крестьянина Ивана Сусанина, совершенный 300 лѣтъ тому назадъ. Сусанинъ спасъ жизнь новоизбраннаго русскаго Царя, Михаила Ѳеодоровича Романова, тѣмъ, что завелъ вражескій отрядъ, разыскивавшій жилище Царя Михаила, въ лѣсную глушь, гдѣ и былъ зарубленъ на-смерть погибающими врагами Царя и Россіи. Нѣчто подобное совершилъ въ наше время крестьянинъ Волынской губерніи, Дубненскаго уѣзда, Княгининской волости, дер. Бабалоки

Стефанъ Веремчукъ, который не задумался съ опасностью для собственной жизни спасти нѣсколькихъ русскихъ воиновъ отъ смерти въ рукахъ австрійскихъ солдатъ, за что и былъ замученъ на-смерть озлобленными австрійцами, причемъ съ послѣднимъ вздохомъ изъ груди умирающаго мученика вырвались слѣдующія знаменательныя слова: „за Царя муки приѣмлю“, т.-е. „умираю мученически за Россію“, такъ какъ въ сердцѣ cadaго русскаго человѣка Царь и Россія сливаются во-едино и представляютъ собою одно цѣлое и недѣлимое понятіе.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ нынѣшнюю Великую Отечественную войну случай, происшедшій съ Стефаномъ Веремчукомъ, не былъ единичнымъ, и что въ русскихъ мѣстностяхъ, занятыхъ теперь нѣмцами, много русскихъ родинолюбцевъ пожертвовали своею жизнью за

Царя и Россію, но только подвиги ихъ остались въ тайнѣ и славныя имена ихъ извѣстны лишь Богу Единому, Который и воздалъ имъ заслуженную награду. Подвигъ же Стефана Веремчука не остался неизвѣстнымъ, такъ какъ произошелъ на глазахъ нѣкоторыхъ русскихъ воиновъ, которые и рассказали объ этомъ въ назиданіе всему міру и въ поученіе прочимъ русскимъ людямъ, какъ надо намъ любить свою Великую Родину. Въ этой книжечкѣ приведено описаніе простой богобоязненной жизни Стефана Веремчука и совершеннаго имъ подвига любви къ Царю и Россіи.

ОПИСАНІЕ

жизни и подвига героя-мученика,

крестьянина

СТЕФАНА ВЕРЕМЧУКА.

I.

Стефанъ Веремчукъ родился въ деревнѣ Бабалоки въ бѣдной семьѣ и уже груднымъ ребенкомъ остался сиротой на рукахъ матери. Мать Стефана Марія Веремчукъ, также сиротка, въ раннемъ дѣтствѣ принуждена была вести тяжелую жизнь въ домѣ мачехи.

Много горя и страданій перенесла Марія Веремчукъ отъ своей мачехи. За невинныя дѣтскія шалости мачеха безжалостно била свою падчерицу, таскала ее за волосы и колотила головой объ стѣну. Отъ ссадинъ на головѣ у дѣвочки сдѣлался колтунъ, а отъ слезъ и постоянного плача стали образовываться бѣлмы на глазахъ. Мачеха, боясь осужденія

со стороны сосѣдей, пробовала засыпать ребенку глаза тертыми сѣменами гвоздики, думая согнать бѣльма, но сдѣлала то, что дѣвочка совсѣмъ ослѣпла къ семи годамъ. Несмотря на свою слѣпоту, Марія Веремчукъ продолжала все дѣлать для себя сама.

Послѣ смерти своего отца, когда ей уже минуло 17 лѣтъ, и когда она вслѣдствіе непрекращавшихся притѣсненій и побоевъ со стороны не только мачехи, но и другихъ родственниковъ, захватившихъ отцовскую хату и огородъ, не могла оставаться въ родномъ домѣ, — она оставила его и ушла жить къ чужимъ людямъ.

Рано овдовѣвъ, Марія Веремчукъ, съ младенцемъ на рукахъ не имѣя собственнаго угла, осталась жить у чужихъ людей. Въ благодарность за пріютъ, она наблюдала, насколько могла, за порядкомъ въ домѣ своихъ хозяевъ, по праздникамъ же и въ воскресные дни отправлялась съ ребенкомъ на рукахъ въ церковь, стараясь не

пропустить ни одной церковной службы. Уже въ этомъ младенческомъ возрастѣ, еще не умѣя говорить, сынъ Стефанъ служилъ ей поводомъ: „какъ наклонить ко мнѣ голову, сидя у меня на рукахъ“, говорить мать: „то я уже и знаю, что прохожу мимо забора, а онъ показываетъ мнѣ, что я могу его ударить“. При препятствіи, встрѣчавшемся на пути изъ устъ малютки вырывались слова: „ме-ку кода“, что значило — „помаленьку, бо колода“.

II.

Когда Стефанъ подростъ, мать съ наступленіемъ лѣта стала оставлять родную деревню и уходить съ нимъ на богомолье въ монастыри и церкви для поклоненія чудотворнымъ иконамъ и русскимъ святителямъ. Нѣсколько разъ Стефанъ съ матерью былъ въ Почаевѣ и въ Кіево-Печерской лаврѣ. Это паломничество по святымъ мѣстамъ и частое посѣщеніе церквей воспитали въ мальчикѣ глубокое

религіозное чувство; подь вліяніемъ же рассказовъ матери объ ея тяжеломъ дѣтствѣ у Стефана развилась сильная сознательная любовь къ своей заботливой, столько выстрадавшей матери. Этой любовью, которая осталась у него на всю жизнь, онъ и руководился во всѣхъ своихъ дѣлахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ рассказы незлобивой женщины, повѣствовавшей обо всемъ съ грустью, но безъ раздраженія и негодованія, не возбуждали въ мальчикѣ злыхъ чувствъ. Врожденная доброта его характера оставалась неизмѣнной, и никто никогда, какъ свидѣтели ствуютъ мать и односельчане, не видѣлъ отъ него зла.

III.

Желая счастья своему сыну, Марія Веремчукъ стремилась во что бы то ни стало обучить его грамотѣ. Сдѣлать это, однако, было очень трудно, такъ какъ въ деревнѣ Бабалоки не было вовсе учителя. „Учили его разные люди“, рассказываетъ

мать: „я просила то того, то другого, чтобы ему помогли“.

Много лѣтъ назадъ въ с. Рудловѣ, сосѣднемъ съ названной деревней, была церковно-приходская школа, впоследствии закрытая. Во время дѣтства Стефана тамъ оставалось изъ учившихся въ этой школѣ всего два крестьянина, умѣвшихъ кое-какъ читать и немного писать. У одного изъ нихъ, Моисея Гильчука, жена котораго была крестной матерью Стефана, прожила лишенная крова Марія Веремчукъ почти десять зимъ.

Къ этому крестьянину и обратилась прежде всего мать Стефана съ просьбой научить ребенка читать и писать. Добрый крестьянинъ, радушно пріютившій у себя обездоленную женщину, охотно согласился помочь услужливому, привѣтливому и сердечному мальчику поучиться грамотѣ. Мальчикъ, по свидѣтельству матери, былъ очень понятливъ и быстро освоился съ чтеніемъ и письмомъ, но затѣмъ всю свою жизнь

Стефанъ чувствовалъ недостаточность своего образованія и часто высказывалъ сожалѣнїе, что ему не удалось окончить никакой школы: „чоловікомъ би я тоді бувъ“.

Сдѣлавшись грамотнымъ, Стефанъ охотно помогаль, по словамъ матери, дячку на клиросѣ въ чтеніи и церковномъ пѣніи: хоръ отсутствовалъ, такъ какъ не было школы.

Въ отроческіе годы у мальчика появилась большая любовь къ солдатамъ, солдатской жизни и къ службѣ. Большимъ удовольствіемъ для него было проводить время съ солдатами. Когда случалось ему быть съ матерью во время обычнаго паломничества въ Луцкѣ, то, устроивъ ее у сестры ея для отдыха, самъ онъ немедленно отправлялся къ своимъ милымъ солдатамъ и прежде всего въ музыкантскую команду, гдѣ играло тогда много мальчиковъ. Онъ тамъ проводилъ цѣлые часы и уставшимъ, но въ радостномъ настроеніи, возвращался къ матери. Съ нею проводилъ онъ вечеръ,

а утромъ опять отправлялся къ солдатамъ: „мило ему было з ними“, говоритъ старуха-мать. Какъ ни любилъ Стефанъ свою мать, но все-же просилъ отпустить его къ „москалямъ“ охотникомъ: тамъ играютъ малые солдаты на трубахъ; онъ бы хотѣлъ такъ же играть и быть въ полку трубачемъ. Уступая горячимъ просьбамъ сына, Марія Веремчукъ была въ полку и условилась объ отдачѣ его туда, но потомъ односельчане уговорили ее не отсылать такъ далеко единственнаго сына.

Пятнадцати лѣтъ мать отдала Стефана въ науку къ сапожнику въ м. Берестечко. Какъ съ грамотой, такъ и съ этой работой юноша освоился очень скоро. Ко времени окончанія сыномъ ученья, Маріи Веремчукъ удалось получить часть отцовскаго огорода, находившагося въ рукахъ братьевъ. Черезъ нѣсколько времени Стефанъ съ большими усиліями построилъ на этой землѣ хату, и у матери съ сыномъ оказался свой собственный

уголь. Это было для нихъ большое счастье, такъ какъ жизнь у чужихъ людей не была легкой. „Чия хата, того й правда; від того не зазнав він у чужихъ людей конечного добра“, рассказывала старуха о своемъ сынѣ.

Черезъ годъ послѣ постройки хаты Стефанъ женился на бѣдной, какъ и онъ самъ, дѣвушкѣ, но такой, которая должна была уважать и цѣнить его мать и ухаживать за ней, какъ за родной. Усердно трудясь вмѣстѣ съ женой, доброй, трудолюбивой и заботливой женщиной, на заработанныя деньги приобрѣлъ Стефанъ пять лѣтъ тому назадъ $1\frac{1}{4}$ десятины поля. Этого было очень мало, тѣмъ болѣе, что у нихъ было уже двое дѣтей; у остальныхъ крестьянъ было также немного земли: у большинства семействъ имѣлось 2—3—4 дес.; рѣдко у кого было 6 дес. „Жили дуже бѣдно“, рассказываетъ жена Стефана Іустинія Веремчукъ. „Часомъ, якъ купили поле, той соли не було“. При этой бѣдности ихъ очень занимала мысль, гдѣ

взять больше земли, чтобы и самимъ было лучше жить, и хватало на обученіе дѣтей. Односельчане ихъ, озабоченные тѣмъ же, поручили Стефану Веремчуку, какъ единственно грамотному, доброму, честному и всѣмъ интересующемуся человѣку, поѣхать туда, гдѣ больше земли, и рассмотреть участки для переселенія. Онъ съ радостью взялся за выполненіе этого порученія, отвѣчавшаго его личнымъ желаніямъ, и, на основаніи прочитаннаго объявленія, отправился въ Пензенскую губернію. Поѣздка эта не увѣнчалась успѣхомъ: ничего подходящаго онъ тамъ не нашелъ. Первое время по возвращеніи онъ былъ очень удрученъ неудачей. „Як діти повиростають“, говоритъ онъ женѣ: „що будеш робити. Треба буде учить дітей, а де тутъ вчити. Треба мабутъ до города вибираться. Як виберусь до города, зомишусь де-небудь, найду роботу, пошлю дітей до школы, повиучую їх, щоб людьми були. А може-бъ продать сю землю, та купить більше її тамъ, де вона де-

шевше: тоді буде й на хліб, і на дітей, щоб їх вчить“.

Частью по собственному побужденію, частью по порученію односельчанъ, поѣхаль онъ вторично на развѣдки, на этотъ разъ въ Туркестанскій край. Эта поѣздка была удачнѣе. Теплый край Туркестана очень понравился Стефану и онъ тамъ присмотрѣлъ себѣ и односельчанамъ участки, но черезъ двѣ недѣли по возвращеніи его домой объявлена была война, и все осталось по-старому. Въ это время Стефану было 29 лѣтъ. Онъ рвался сначала поступить въ ряды войскъ охотникомъ, но, уступая, съ одной стороны, слезнымъ просьбамъ жены и матери, а съ другой, полагаясь на ходившіе слухи о томъ, что скоро будутъ брать ополченцевъ, онъ рѣшилъ остаться и ждать своей очереди. По словамъ жены, онъ все время, насколько возможно, слѣдилъ за дѣйствіями нашихъ войскъ и отъ души радовался успѣхамъ нашего оружія въ Галиціи. Увѣренный въ скоромъ заключеніи мира, Стефанъ

вновь сталъ беспокоиться объ участи дѣтей. „Піду зимою в Смордву (сосѣднее большее село)“, говорилъ онъ, по словамъ жены, „буду тамъ шить чоботи, бо ім шевця треба, буду Макара (старшій сынъ) посылать до школы і годуватиму (буду кормить) і себе, і его“.

IV.

Еще до наступленія лѣта 1915 года, къ большому горю Стефана, начался отходъ нашей боевой линіи къ границѣ. Онъ былъ самъ не свой, когда непріятель въ концѣ августа занялъ д. Бабалоки. При отходѣ нашихъ войскъ изъ этой деревни, какъ рассказываетъ жена Стефана Густинія Веремчукъ, два незнакомыхъ ей солдата посовѣтовали жителямъ не уѣзжать, а только укрыться на время боя отъ снарядовъ и пуль. Жители послѣдовали этому совѣту, всѣ остались въ деревнѣ и на другой день, по приходѣ непріятеля, выкопали себѣ на своихъ огородахъ ямы на случай боя. Стефанъ Ве-

240187

ремчукъ выкопалъ также яму для своей земли, нѣсколько поодаль отъ хаты, за дорогой. Онъ страстно желалъ успѣха русскому оружію и, по свидѣтельству жены и матери его, часто подолгу горячо молился на колѣняхъ Богу, чтобы русскіе возвратились. Онъ очень обрадовался, когда недѣли черезъ полторы, послѣ занятія деревни непріателемъ, черезъ нее начали двигаться назадъ австрійскіе обозы, артиллерія и, наконецъ, пѣхотныя части: русскіе тѣнили австрійцевъ. Пятаго сентября утромъ, какъ рассказываетъ Іустинія Веремчукъ, бывшіе въ деревнѣ непріятельскіе солдаты говорили: „Вотъ вашъ руссъ скоро придетъ въ окопы; скоро увидите своего русса“.

Въ тотъ же день вечеромъ мадьяры вывели всѣхъ жителей, въ томъ числѣ и Стефана съ семьей, изъ ихъ хатъ за деревню и начали гнать ихъ къ лѣсу, говоря: „Уходите, здѣсь будетъ позиція. Руссъ будетъ бить“. Тѣмъ, которые отставали или не хотѣли идти, они угрожали

штыками, а падавшихъ дѣтей подталкивали ногами. Многіе жители, опасаясь за свою судьбу, начали плакать; нѣкоторые голосили. Поднялся большой шумъ. Въ это время раздался залпъ.

Разсказывавшая обо всемъ этомъ жена Стефана предполагаетъ, что это, въ отвѣтъ на крики жителей, стрѣляли русскіе солдаты, подошедшіе уже къ противоположному берегу рѣки Иквы. Услышавши выстрѣлы, мадьяры отбѣжали въ сторону, а жители воспользовались этимъ и бросились въ деревню къ своимъ ямамъ, кто куда попалъ. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыя ямы набилось много народа; было очень тѣсно и неудобно. Всю ночь жители сидѣли въ ямахъ и дрожали отъ страха. У Стефана, его матери и жены, по словамъ послѣдней, къ этому присоединилось еще безпокойство другъ о другѣ, такъ какъ въ суматохѣ они потеряли одинъ другого. По ея же словамъ и по словамъ крестьянъ сосѣдей, мадьяры нѣсколько разъ въ теченіе ночи подходили

къ ямамъ, требовали грозно, чтобы жители выходили изъ ямъ и шли въ лѣсъ, вдвигая при этомъ штыки въ ямы. Но, несмотря на угрозы, никто изъ жителей не вышелъ.

Какъ рассказываютъ Іустинія Веремчукъ и ея сосѣдка Ирина Ильчукъ, утромъ 6 сентября русская пѣхота появилась въ окопахъ на горѣ за рѣкой Иквой. Вышедшихъ рано утромъ изъ ямъ для корма и укрытія скота жителей мадьяры вновь загнали въ ямы и совсѣмъ не выпускали ихъ оттуда. Стефану, спрятавшемуся отдѣльно отъ своихъ, вмѣстѣ со вторымъ сыномъ, удалось разыскать мать и жену еще до новыхъ притѣсненій со стороны австрійцевъ и помѣститься вмѣстѣ съ ними.

Сами австрійцы заняли частью окопы, расположенные передъ селомъ по берегу рѣки Иквы, частью хаты и стодолы. Въ послѣднихъ они продѣлали отверстія и черезъ нихъ стрѣляли. Пользуясь одеждой, оставленной жителями въ хатахъ,

мадьяры одѣвались въ нее и затѣмъ спокойно расхаживали по двору и улицѣ, не боясь быть подстрѣленными русскими. Наши солдаты, сидѣвшіе въ окопахъ, недоумѣвали, почему пули изъ деревни летятъ къ нашимъ окопамъ, а между тѣмъ жители спокойно разгуливаютъ при этомъ по деревнѣ. Наши части никакъ не могли опредѣлить, — откуда именно стрѣляютъ, а между тѣмъ никому изъ жителей нельзя было переправиться къ своимъ, чтобы извѣстить, гдѣ находятся австрійцы, такъ какъ сидѣвшіе въ окопахъ непріятельскіе солдаты никого не пускали къ рѣкѣ.

Стефанъ Веремчукъ, по словамъ жены и опрошенныхъ односельчанъ, все порывался переправиться на тотъ берегъ къ своимъ, чтобы сообщить имъ „какое направленіе нужно брать въ стрѣльбѣ“, чтобы скорѣе прогнать австрійцевъ и освободить бѣдствующихъ жителей. По свидѣтельству опрошенныхъ жителей, онъ нѣсколько разъ обращался съ просьбой къ своимъ

односельчанамъ помочь ему пробраться туда и сопутствовать ему, но никто не согласился на это. „Я свою жизнь не дорожу“, говорилъ Стефанъ при этомъ: „Дав-би Богъ Россію назад“. Наконецъ, несмотря на крайнюю трудность незамѣтной переправы черезъ рѣку Икву и опасность пострадать отъ русской или мадьярской пули, онъ въ ночь на 7 сентября одинъ перебрался черезъ названную рѣку и прошелъ въ наши окопы, какъ видно изъ дознанія, представленнаго командиромъ 11 роты 76-го пѣхотнаго Кубанскаго полка, подпоручикомъ Лисцинымъ, гдѣ сообщилъ о томъ, какъ расположены занимаемые австрійцами окопы къ мѣстнымъ предметамъ, рассказалъ, что всѣ жители сидятъ по ямамъ и что не нужно бояться стрѣлять по деревнѣ, такъ какъ тамъ распоряжаются въ хатахъ и ходятъ по улицѣ не жители, а переодѣтые въ крестьянское платье мадьяры. Онъ передалъ также о тѣхъ лишеніяхъ и страданіяхъ, которыя испытывали и теперь тер-

пять его односельчане. Въ ту же ночь ему удалось благополучно возвратиться обратно къ своимъ.

Сообщеніе Стефана Веремчука оказалось существенно важнымъ. Благодаря правильному направленію послѣ этого сообщенія нашего огня, положеніе австрійцевъ сдѣлалось настолько тяжелымъ, что, по свидѣтельству жителей, они объявили о своемъ намѣреніи уйти изъ села и сжечь его. Стефанъ съ женой, какъ рассказываетъ сама Іустинія Веремчукъ, боясь, чтобы во время пожара не сгорѣла ихъ единственная корова, отвели ее рано утромъ 8 сентября къ болоту, намѣреваясь спрятать ее въ камышахъ. Мадыры, думая, что они хотятъ переправиться на другую сторону рѣки къ русскимъ, открыли по нимъ сильную стрѣльбу. Стефанъ поскользнулся, завязъ въ болотѣ и принужденъ былъ лечь на грудь. Въ это время жена его, несмотря на обстрѣлъ, выстлала поверхность болота очеретомъ и поставила на этой настилкѣ корову. Затѣмъ они

вдвоемъ невредимыми направились къ своей ямѣ, гдѣ и спрятались.

Вскорѣ послѣ этого мадьяры въ трехъ мѣстахъ зажгли деревню и исчезли. Какъ потомъ оказалось, они перешли въ окопы, вырытые у лѣса за селомъ.

Когда распространился слухъ отъ ямы къ ямѣ о томъ, что мадьяры ушли и что русскіе сейчасъ за рѣкой, всѣхъ жителей охватила большая радость.

Стефанъ Веремчукъ, видя, что группа нашихъ солдатъ хочетъ переправиться на этотъ берегъ рѣки Иквы, быстро переѣхалъ черезъ нее въ лодкѣ и перевезъ ихъ на свою сторону. Это были развѣдчики 76 пѣхотнаго Кубанскаго полка. Перевозилъ онъ ихъ по очереди, такъ какъ лодка была небольшая. Затѣмъ Стефанъ показалъ развѣдчикамъ тѣ окопы, которые занимались австрійцами, послѣ чего они прошли черезъ село и направились къ лѣсу. Непріятель, замѣтивъ русскихъ, открылъ по нимъ сильный огонь и, видя ихъ мало,

численность, перешель въ наступленіе. Подъ натискомъ противника развѣдчики бросились черезъ село къ рѣкѣ. По словамъ присутствовавшихъ при этомъ односельчанъ, одинъ изъ отходящихъ солдатъ сказалъ находившемуся съ ними Стефану Веремчуку: „ну, теперь мы пропали: не избѣжать намъ смерти или плѣна“. Стефанъ успокоилъ ихъ словами: „надѣйтесь на Бога, Онъ васъ спасетъ“, и посовѣтовалъ имъ не бѣжать вразбродъ, но быстро идти и отстрѣливаться, а самъ побѣжалъ къ рѣкѣ, приготовилъ лодку и, подогнавъ ее къ берегу, крикнулъ: „теперь по одному въ лодку ложись; перекреститесь и съ Богомъ; лодку я буду гнать“. Затѣмъ Стефанъ снялъ шапку, перекрестился и сталъ переправлять развѣдчиковъ. Помогая высаживаться изъ лодки одному изъ нихъ, онъ, по словамъ очевидцевъ, взмахнулъ руками: пуля попала ему въ бедро навывлетъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на рану, онъ отправился за оставшимися развѣдчиками и перевезъ

ихъ всѣхъ. Залегшіе на нашемъ берегу солдаты и перевезенные развѣдчики не пускали Стефана назадъ и убѣждали его не возвращаться въ деревню, увѣряя, что мадьяры его тамъ убьютъ, но Стефанъ просилъ ихъ не задерживать его, такъ какъ у него была тамъ семья и со словами: „я еще нуженъ своимъ односельчанамъ“, погналъ лодку обратно. Это было около 10 часовъ утра 8-го сентября. Причालивъ лодку и выйдя на берегъ, Стефанъ, по словамъ слѣдившихъ за нимъ нѣкоторыхъ односельчанъ и солдатъ, тутъ же упалъ отъ потери крови. Затѣмъ всталъ и, пробѣжавъ до коноплянаго поля, вновь упалъ. Потомъ поползъ по этому полю на четверенькахъ, направляясь къ своей хатѣ. Непріятель къ этому времени вновь занялъ окопы около рѣки, а также помѣстился въ уцѣлѣвшихъ отъ пожара восьми хатахъ.

Когда Стефанъ былъ уже близко отъ своей хаты, нѣсколько мадьяръ бросились къ несчастному и затащили его къ себѣ

въ ближайшій окопъ. Многіе изъ жителей слышали, какъ онъ кричалъ при этомъ: „ой, ратуйте, православні, я-ж вас выручавъ“. Изъ окопа, куда втащили Стефана, неслись душу раздирающіе крики и стоны. крестьяне Ирина Куженевская, Григорій Веремчукъ и Ильчукъ, сидѣвшіе въ ближайшей къ этому окопу ямѣ, передаютъ, что онъ кричалъ: „за вас православні, за Царя муки приймаю“, и много разъ повторялъ, обращаясь къ любимой имъ матери: „ой, мамо, мамо, як мені тяжко“. Ближайшимъ къ окопу жителямъ слышно было затѣмъ, какъ ему чѣмъ-то затыкали ротъ, такъ какъ стоны его сдѣлались болѣе глухими. Долго еще, въ продолженіе двухъ часовъ, слышались эти заглушенные стоны несчастнаго.

Къ утру слѣдующаго дня 9 сентября мадьяры подъ натискомъ нашихъ войскъ ушли за деревню къ лѣсу на вторую линію окоповъ. Жена Стефана, Густинія, не видя до сего времени мужа и узнавъ отъ проходившаго мимо его двоюроднаго брата

Григорія Веремчука, что Стефанъ наканунѣ ползъ, волоча ноги и взывая: „ой, братці, ратуйте“, пошла искать своего мужа и нашла его шагахъ въ тридцати отъ своей хаты передъ окопомъ, куда его, очевидно, выбросили австрійцы. Онъ лежалъ лицомъ книзу, въ одной рубахѣ, очень сильно изрѣзанной, и въ крови. По словамъ Григорія Веремчука и другихъ жителей, наблюдавшихъ, какъ ползъ несчастный, никто изъ нихъ не рѣшался ему тогда помочь, такъ какъ въ это время начался уже сильный артиллерійскій и ружейный бой.

При осмотрѣ трупа, по свидѣтельству жителей и семьи покойнаго Стефана, оказалось, что, кромѣ огнестрѣльной раны, было нѣсколько колотыхъ; руки были порѣзаны; плечи подрублены съ пересѣченіемъ ключицъ; сухожилія подъ колѣнями перерѣзаны и концы сухожилій вытянуты; лицо разбито; въ ротъ въ большомъ количествѣ набита глина. По свидѣтельству чиновъ 76 пѣхотнаго Кубанскаго полка,

9 сентября занявших деревню, у Стефана были вырваны мышцы на груди, на спинѣ, на рукахъ и на ногахъ. Жена покойнаго Стефана прссила солдатъ сдѣлать для него гробъ, но для этого не было ни времени, ни матеріала. Поэтому крестьяне, омывши тѣло мученика, одѣли на него чистое бѣлье и такъ предали землѣ на мѣстномъ кладбищѣ. Креста не удалось поставить, но жена и односельчане точно знаютъ мѣсто, гдѣ онъ погребень.

Замученному Стефану Веремчуку было тридцать съ половиной лѣтъ. По свидѣтельству односельчанъ и семьи, онъ отличался замѣчательной религіозностью, совершенной незлобивостью, сильной любовью къ матери, дѣтямъ и женѣ, очень доброй и трудолюбивой женщиной, и выдающеюся добротой, причемъ, несмотря на свою крайнюю бѣдность, онъ со всякимъ готовъ былъ подѣлиться послѣднимъ и всегда чрезвычайно близко принималъ къ сердцу нужду и горе постороннихъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ горячо любилъ свою родину.

Послѣ Стефана Веремчука остались: слѣпая мать Марія Веремчукъ 62 лѣтъ, жена Іустинія 28 лѣтъ и трое сыновей—Макаръ 7 лѣтъ, Леонтій 5 лѣтъ и Федоръ 1 года и трехъ мѣсяцевъ.

Такъ пріялъ мученическую кончину простой русскій человекъ, крестьянинъ Стефанъ Веремчукъ, положившій, по Слову Евангельскому, душу свою за други своя. Сердце его горѣло огнемъ любви къ Царю и Россіи и онъ безбоязненно пошелъ за нихъ на смерть. Къ счастью, его самопожертвованіе не прошло незамѣченнымъ. Командиръ 76 пѣх. Кубанскаго полка донесъ по начальству объ этомъ происшествіи, и по всеподданнѣйшему докладу Начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго о подвигѣ и мученической кончинѣ Стефана Веремчука. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, въ 1-й день декабря 1915 года, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ:

1) Назначить пенсію матери и вдовѣ покойнаго Стефана Веремчука, первой—

въ размѣрѣ 120 рублей въ годъ, а второй—въ размѣрѣ 240 рублей въ годъ.

2) Малолѣтнихъ сыновей его—Макарія, Леонтія и Федора опредѣлить, по достиженіи ими соотвѣтствующаго возраста, на казенный счетъ въ одно изъ учебныхъ заведеній, по усмотрѣнію матери, съ спеціальнымъ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ.

3) Разрѣшить открыть повсемѣстную подписку и сборъ на постановку памятника-часовни на могилѣ мученика.

4) Предписать настоятелямъ всѣхъ мірскихъ и монастырскихъ церквей, путемъ проповѣдей и бесѣдъ, объяснить прихожанамъ глубокой смыслъ и значеніе праведной жизни высокаго подвига Стефана Веремчука.

5) Въ виду чистой и глубоко-религіозной жизни Стефана Веремчука, описаніе его жизни и подвига, составленное по показаніямъ семьи покойнаго, его односельчанъ и чиновъ 76 пѣхотнаго Кубан-

скаго полка, бывшихъ очевидцами геройскаго подвига и мученической кончины Веремчука, издать для широкаго распространенія какъ среди всѣхъ частей и командъ Русской Арміи, такъ и повсемѣстно среди населенія Имперіи.

